

обстановки составляет принципиальную черту всей внешней политики белых в течение всего 1919 г. Истоки этого неверного восприятия окружающего мира нелегко определить, коль скоро речь идёт о достаточно опытных, искушённых в международной политике людях, например, о Сазонове. Конечно, большую роль играл багаж прошлого: уверенность в восстановлении России и занятии ею своего прежнего места в международных отношениях... Таким образом, внешняя политика правительства Колчака завязла в своих собственных противоречиях. Сильная политика, проводимая слабым правительством, самостоятельный курс, проводимый зависимым правительством, дореволюционные идеи, проводимые в послереволюционных условиях, — так можно вкратце охарактеризовать внешнюю политику верховного правителя России, адмирала А.В. Колчака и его министра иностранных дел С.Д. Сазонова» (с. 222).

Исследование А.В. Шмелёва напоминает современному российскому читателю о лучших традициях русской эмигрантской исторической школы, представителем которой он является. Монография удалась: в ней превосходно сочетаются богатство фактического материала и мастерские аналитические суждения автора. Данная книга несомненно займёт достойное место в историографии Гражданской войны в России.

Алексей Филитов

Рец. на: Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. В 2 кн. Кн. 1. Январь—август. 744 с.; Кн. 2. Сентябрь—декабрь. 676 с. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016

Aleksey Filitov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Dokumenty vneshney politiki SSSR. 1943. T. XXVI. 2 vol. Maykop, 2016

Завершение в 1943 г. коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (и Второй мировой в целом) самым непосредственным образом повлияло на внешнеполитическую деятельность Советского государства — её результативность повысилась, расширился диапазон целей и задач. На межсоюзнических конференциях в Москве (19–30 октября) и Тегеране (28 ноября — 1 декабря) впервые было принято согласованное решение об открытии второго фронта в Европе. Началась работа по

Примечания

¹ Подробнее см.: *Смолин А.В.* У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 году. СПб., 2017. С. 211.

² *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 348.

³ *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М., 1993. С. 202, 360. О С.Д. Сазонове см. также: *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 394; *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). М., 2016. С. 29–32.

⁴ *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 196–197.

⁵ *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 332.

⁶ Цит. по: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Белое движение и право наций на самоопределение // Проблемы экономической и политической истории России. М., 1998. С. 103.

⁷ *Деникин А.* Борьба продолжается // Борьба за Россию. Париж. 1927. №6. С. 6.

⁸ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920. М., 2013. С. 608–609.

планированию послевоенного мирного урегулирования, появились новые возможности в деле выстраивания добрососедских отношений с государствами, непосредственно граничащими с СССР. Оживились его контакты со странами, ранее не проявлявшими заинтересованности в развитии с ним связей или даже занимавшими по отношению к нему враждебные позиции.

Все эти новые направления в советской внешней политике и дипломатии отражены

в рецензируемом труде, подготовленном коллективом Историко-документального департамента МИД РФ. В сборнике представлено 677 документов, большинство которых публикуется впервые. Кроме того, авторы-составители провели большую работу по сверке с оригиналами уже известных и ранее печатавшихся текстов, что в ряде случаев потребовало их корректировки. В первую очередь это материалы самого значимого события международной жизни рассматриваемого периода — Тегеранской конференции глав правительств трёх держав антигитлеровской коалиции. Для рецензируемого сборника характерна яркая примета нового времени — при изложении материала применён строго научный подход. Здесь представлены стенограммы заседаний конференции, а не их «записи», как в прежних публикациях, высказывания же её участников воспроизведены без «купюр» и какой-либо редакторской правки, с точным указанием архивных сигнатур (ранее имелись лишь глухие ссылки: «печат. по арх.»)¹.

Что касается новых источников о развитии сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции, то внимание читателя, безусловно, привлечёт публикация в полном виде «Третьего протокола», который регулировал условия и объёмы англо-американских поставок в СССР (№ 522), и касающихся его генезиса документов (№ 406, 415, 447, 501, 502, 505).

В сборнике воссоздана сложная картина взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции: прогресс в деле сотрудничества носил неравномерный характер и порой перемежался острыми конфликтными ситуациями. Например, «Третий протокол» был подписан в Лондоне 19 октября 1943 г., а за день до этого, утром 18 октября, произошёл скандальный инцидент: британский премьер отказался принять одно из посланий И.В. Сталина (содержавшее его критику по поводу допущенных британской стороной проволочек с организацией северных конвоев; № 519) и вернул его советскому послу. У. Черчиллю якобы не понравился резкий тон советского лидера. Однако читателю становится понятной истинная причина этого недовольства советской стороны, если он ознакомится с записью состоявшейся 20 сентября беседы В.М. Молотова с британским послом А.К. Керром (№ 458). Здесь подробно изложены советские претензии по поводу уменьшения поставок в 1943 г. (240 против 760 тыс. т — в 1942-м), причём английский посол признал их справедливость, но никакой реакции со стороны Лондона не последовало, что не могло не вызвать соответствующей реакции в Кремле.

Кроме того, советскому руководству стали известны планы британской стороны по своего рода «пропагандистскому наступлению» на СССР.

В секретном документе, оказавшемся в распоряжении советского посольства, в частности отмечалось: «Основная пропаганда должна быть направлена на советских ответственных работников, т.е. на административный и интеллектуальный высший слой советского общества (правительственные и партийные работники, индустриальные круги, офицеры Красной армии и Флота, академический персонал, ведущие фигуры в искусстве и литературе). Всё, что будет успешно внедрено в головы этой группы, быстро потечёт далее через издательские каналы, контролируемые этой же группой». В том же документе содержалась и конкретизация соответствующих средств воздействия на представителей этой «группы». Речь шла отнюдь не об интеллектуальных диспутах, а об элементарном подкупе: «Необходимо иметь в виду, что папиросы, табак, спиртные напитки и вина принимаются советскими официальными работниками в качестве подарков» (№ 346). Следует заметить, что, выдвигая столь откровенную «программу внешнего воздействия», западные союзники всячески препятствовали распространению объективной информации об СССР в собственных странах — вплоть до запрещения к ввозу в США открыток с репродукциями картин советских художников (№ 73).

9 января 1943 г. (ещё до завершения Сталинградской битвы) из Лондона в НКВД СССР была отправлена объёмная записка советского посла в Великобритании И.М. Майского «по одному из наиболее кардинальных вопросов послевоенного устройства — о будущем Германии» (№ 12). Хотя предложенные здесь меры не стали основой окончательных решений союзников по германскому вопросу, документ наглядно продемонстрировал феномен плюрализма во внешнеполитическом планировании СССР — нечто, не соответствующее расхожим стереотипам о советских дипломатах, как о неких безгласных существах, не проявлявших инициатив и лишь послушно исполнявших спущенные «сверху» директивы. Подтверждением тому является обмен телеграммами между заместителем главы НКВД А.Я. Вышинским и И.М. Майским, когда последний прямо оспорил данное ему поручение относительно проектируемой конвенции о взаимной выдаче военных преступников в период после капитуляции Германии (№ 64, 71).

Некоторые же депеши посла СССР в США М.М. Литвинова и вовсе можно расценить как косвенную критику позиции советского руководства по весьма принципиальным вопросам. Так, характеризуя в телеграмме от 19 февраля 1943 г. состояние местного общественного мнения, Литвинов отметил, что «наше неучастие в Касабланке² и других англо-американских совещаниях и отсутствие каких-либо существенных выступлений о послевоенных планах со

стороны Москвы и моей, усиливают недоверие к нам» (№ 72). Между тем, как следует из информации Майского о его состоявшейся 8 февраля беседе с Черчиллем, последний выразил определённое понимание мотивов советского неучастия в касабланкском саммите. Британский премьер вспоминал, как он в состоявшейся по этому поводу беседе с американским президентом Ф.Д. Рузвельтом заявил: «Сталин — реалист. Его не проймёшь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: “Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году? А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала, — какой же смысл ему был ехать на совещание?”» (№ 53). Если бы эти слова Черчилля в какой-либо форме были доведены до сведения мировой общественности, то «недоверие» к советской политике могло быть развеяно или по крайней мере уменьшено. Очевидно, что сам британский премьер был в этом не заинтересован, а советская сторона, видимо, строго придерживалась принципа конфиденциальности межсоюзнических контактов, возможно даже излишне строго. Если бы в распоряжении Литвинова оказалась информация о высказываниях Черчилля по поводу мотивов советского «неучастия в Касабланке», то она «вооружила» бы его действенной аргументацией для влияния на американскую аудиторию. Кстати, в других случаях соответствующие запросы с его стороны встречали положительную реакцию — притом, что их форма порой выглядела так, будто посол даёт директивные указания главе НКВД, а не наоборот.

Так, в телеграмме Литвинова от 20 февраля 1943 г. указывалось, что «американцы выражают недовольство отсутствием сведений (в советской печати. — А.Ф.) об использовании американского снабжения в наших оборонных и наступательных операциях». Далее сообщалось о необходимости такие сведения опубликовать, а завершалось всё в достаточно категоричной форме: «Следует упомянуть также о роли американских медикаментов, инструментов и продовольствия. Только поконкретней, с упоминанием мест и сражений». На документе имелась резолюция Молотова: «Тов. Микояну. По-моему, просьбу т. Литвинова надо уважить» (№ 75). Нарком, характеризуя литвиновскую телеграмму как «просьбу», явно смягчил её характер. Во всяком случае, представленные в сборнике материалы свидетельствуют о весьма значительной свободе мнений сотрудников внешнеполитического аппарата СССР в вопросах формирования государственной политики по различным аспектам международных отношений. Это, разумеется, не исключало того, что некоторые

демарши советских дипломатов, не согласованные с НКВД, со стороны его руководства подвергались критике, которая, впрочем, не влекла за собой каких-либо «оргвыводов» (№ 74, 110).

Летом 1943 г. произошла смена советских послов в Великобритании и США: место отозванных и получивших новые назначения Майского и Литвинова заняли молодые дипломаты — Ф.Т. Гусев и А.А. Громыко. Порой это трактуется как «ослабление посольского звена», в результате чего «Кремль лишился чутких наблюдателей и опытных советников»³. Однако документы не (или не вполне) подтверждают эту оценку. Информация по США в период работы нового посла стала даже более интенсивной и разнообразной. Что касается британского измерения, то в сборнике впервые ярко высвечена деятельность А.А. Соболева — видного советского дипломата, исполнявшего обязанности поверенного в делах на протяжении сложного периода «пересменки» послов.

Кроме того, документы опровергают распространённый стереотип о том, что советская внешняя политика носила крайне идеологизированный характер и преследовала цель — «советизацию» освобождённых от гитлеровского господства государств Европы. Зачастую именно в таком духе трактуется история заключения советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве (Москва, 12 декабря 1943 г.). Однако инициатива в данном вопросе, как свидетельствуют архивные материалы, исходила от главы правительства Чехословакии в эмиграции Э. Бенеша (№ 127). По его же информации, эту инициативу одобрил президент США Рузвельт, заметивший, «что согласие Советского Союза на заключение договора показывает несостоятельность разговоров о том, что Советский Союз собирается советизировать малые европейские страны» (№ 227). Путь от идеи договора к её воплощению в жизнь был трудным и извилистым: против выступили англичане, сам Бенеш занимал весьма непоследовательную позицию, однако, в конце концов, было найдено решение, устраивавшее всех и никоим образом не означавшее «экспорт революции» в Чехословакию.

Новое качество в рассматриваемый период приобрели и отношения СССР с «нейтралами». Отныне уже не шла речь о предотвращении их перехода на сторону держав «оси», но оставалась задача окончательного устранения в них влияния нацистской агентуры. Эта проблема оказалась особенно острой в отношении Афганистана (№ 253, 269). Советским дипломатам пришлось потратить также немало усилий для урегулирования инцидентов на советско-афганской границе (№ 599, 656). На протяжении 1943 г. со стороны государственных деятелей

Ирана и Турции всё чаще высказывались заявления в неизменной лояльности и даже дружеских чувствах к Советскому Союзу — притом, что в беседах с западными дипломатами эти же деятели развивали тезис о «советской угрозе». Всё это требовало от советских дипломатов выверенных, далёких как от эйфории, так и от чрезмерного скепсиса оценок и действий (с этими задачами они в целом справлялись).

Особое место занимает тема советско-японских отношений. В рассматриваемый период уже не шла речь о предотвращении нападения на советский Дальний Восток, однако множились инциденты с захватами судов, перевозивших ленд-лизские грузы. Японская сторона пыталась оправдать эти пиратские действия тем, что многие из этих судов ранее принадлежали США, и их переход под советский флаг носил-де фиктивный характер. Представление о том, как советские дипломаты успешно «разбивали» эту аргументацию, дают записи бесед — посла Советского Союза в Токио Я.А. Малика с министром иностранных дел Японии М. Сигемицу, а также руководящих сотрудников НКВД с японскими дипломатами в Москве и Куйбышеве (здесь до середины 1943 г. находилась большая часть дипкорпуса).

Имеющийся в сборнике «Указатель документов, касающихся отношений СССР с зарубежными странами» даёт представление о приоритетах и узловых проблемах внешней политики СССР в 1943 г. Воспринимать массу информации помогает научный аппарат: 88 примечаний, перечни документов, связанных с перепиской лидеров «большой тройки», заявлениями, нотами и меморандумами, а также

с содержащимися в шифротелеграммах памятными записками; именной указатель и список сокращений (с. 547–858). В целом читатель получил новое фундаментальное издание первоисточников, значение которого для науки и дипломатической практики трудно переоценить.

Примечания

¹ См.: Международная жизнь. 1961. № 7, 8; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1984.

² Речь идёт об англо-американской конференции в Касабланке (Марокко, 12–24 января 1943 г.). Предложения Сталину о встрече «где-нибудь в Африке» имелись в близких по содержанию посланиях Рузвельта и Черчилля (2 и 3 декабря 1942 г.). В ответных посланиях от 6 декабря 1942 г. советский лидер заявил о невозможности принять такое приглашение из-за занятости делами фронта. Этот довод современные исследователи считают «достаточно убедительной, хотя, наверное, не единственной тому причиной». Особую роль сыграли «стойкая неприязнь к дальним путешествиям, особенно авиационным перелётам, нежелание встречаться с западниками на чужой неподконтрольной территории, стремление укрепить свои военно-стратегические позиции перед решающими обсуждениями большой стратегии» (Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. М., 2015. С. 306–308).

³ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина... С. 343.